

С.Н. Кочеров
Роль идеологии в современной войне

Аннотация: В статье рассматривается значение идеологического фактора в национальных стратегиях и военных доктринах государств. Делается вывод о том, что идеологическая основа внешней и военной политики России находится пока только на этапе становления.

Ключевые слова: Холодная война, идеологическое противостояние, универсальные ценности

The role of ideology in modern warfare

Abstract: The article discusses the importance of the ideological factor in national policies and military doctrines of States. The conclusion is that the ideological basis of foreign and military policy of Russia is still only at the stage of formation.

Keywords: the Cold War, ideological confrontation, the universal values

Формальное, как это стало ясно теперь, завершение Холодной войны в конце XX в. не привело к деидеологизации военных конфликтов в мире. На смену конфронтации либерализма и коммунизма пришло противоборство глобализации как вестернизации и регионализации по этнокультурному и религиозному признаку. На дихотомию «богатый Север» – «бедный Юг» наложилась антитеза «демократический Запад» – «авторитарный Восток». От периферийных войн прошлого, в которых две сверхдержавы стремились расширить и повысить свое влияние, мир перешел к «цветным революциям», операциям по «принуждению к миру» и «гуманитарным интервенциям». Эти новые виды боестолкновений, как правило, инициируются и поддерживаются США и государствами Запада (Великобритания, Германия, Франция).

При этом не следует ожидать от Запада, по крайней мере, на данном этапе, компромисса в сфере идеологии. Как писал А.А. Зиновьев в начале 1990-х гг., когда еще была популярна тема деидеологизации, «идея конца идеологий сама есть идея чисто идеологическая, есть идея западной идеологии, которая в полном соответствии с общими законами идеологии лишь себя считает истиной, а другие формы идеологии – ложью и даже преступлением» [4; 274]. Известно, что одним из самых эффективных способов одержать победу над противником является призыв его к отказу от использования того оружия, которое сам держишь

наготове. Западные страны часто применяли этот прием в отношении России, когда убеждали себя в том, что больше не нуждаются в ее поддержке. Поэтому нельзя относиться без иронии к последним заявлениям англо-саксонских и франко-германских политиков о том, что Россия ведет против их стран «гибридную» идеологическую и пропагандистскую войну, добиваясь, как минимум, дискредитации электоральной системы, как максимум, избрания на выборах в этих странах угодных ей президентов и премьер-министров.

Эти обвинения напоминают инвективы западных политиков периода Холодной войны, когда правящий класс западных стран, в частности американский истеблишмент, был убежден в том, что «конфронтация неизбежна, поскольку советская идеология предусматривает подрыв и уничтожение противоположной системы...»[10; 69]. Характерно, что только в 1990-е гг. ведущие западные историки в анализе причин Холодной войны стали отходить от возложения всей вины на И.В. Сталина и СССР (как ныне на В.В. Путина и Россию) и усматривать ее истоки в идеологическом противостоянии двух систем ценностей и геополитической конкуренции сверхдержав. Так, скандинавский историк О. А. Вестаг утверждает, что «Холодная война была столкновением идей и культур настолько же, насколько была военным и стратегическим конфликтом»[14; 13]. А согласно американскому философу и историку Дж. Л. Гэддису, Холодная война была не просто противостоянием двух сверхдержав (как в древности Рима и Карфагена), а конкуренцией в ответе на вопрос: «Как лучше организовать человеческое общество?» [12; 84]. Это значит, что линия противостояния проходила по различному пониманию таких базовых ценностей, как свобода, справедливость, солидарность, человечность и др.

Современное обострение отношений между Западом и Россией, что дает основание говорить о начале третьего этапа Холодной войны (после 1917-1941 и 1945-1989 гг.) повышает требования к идеологическому обеспечению, которое представляет каждую из конфликтующих сторон в глазах мирового сообщества в выгодном свете. Сравнительно недавно (июнь 2015 г.) председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Мартин Демпси представил новую редакцию Национальной военной стратегии США (The National Military

Strategy of the United States of America 2015). В этой стратегии заявлено о намерении «сотрудничать со всеми странами, **передавая им наши ценности** [выделено мной – С.К.]» и декларируется готовность «прилагать усилия по налаживанию содержательных военных отношений с Китаем, и ...сотрудничать с Россией в вопросах, представляющих взаимный интерес, одновременно призывая обе страны к мирному разрешению своих споров в соответствии с нормами международного права» [7].

Известно, что конституция США, откуда генералы этой страны черпают свое понимание американских ценностей, которые они готовы транслировать по всему миру, во многом основана на философском учении Джона Локка. Американская идеология с ее защитой частной собственности и демократических свобод, трансформированная в политику распространения демократии по всему миру, соответствует основным идеям политической философии Локка с его обоснованием «права народа на восстание против тирании», которое он развил в работе «Размышления о славной революции 1688 года». При этом часто остается в тени то, что при всем своем либерализме Локк обосновывал право на захват английскими колонистами земель американских индейцев и оправдывал обращение в рабство «пленных, захваченных в справедливой войне» [13]. На мой взгляд, это проливает свет на некоторые действия военных и спецслужб США, которые весьма сложно совместить с ценностями либерализма. Но, по крайней мере, это по-своему цельная идеология, которая имеет немало сторонников в мире, в том числе и за пределами США. А на какой философии основана идеология, лежащая в основе военной доктрины России?

На этот вопрос затруднительно дать ответ. Недавнее обращение к понятию «русский мир», которое ввели отечественные мыслители «серебряного века», в частности, Вяч. Иванов, казалось бы, указывает на философу, известную как «русская идея». Однако концепт «русского мира», как показала практика, оказался неэффективным даже в попытке объединить родственный нам народ Украины, где представители «русского мира» ведут гражданскую войну между собой. Возможно, дело в том, что сама эта идея, заимствованная из русской философии, будучи перенесена в политические реалии нашего времени,

изначально преподносилась неверно, поскольку Россия духовная подменялась в ней Россией этнической, и «русскость» определялась по принципу «единства земли и крови», а не по общности ценностей жизни и исторической памяти. Для того чтобы люди чувствовали и сознавали свою принадлежность к великой общности необходимы, но недостаточны связь со своей землей, общий язык и культурные нормы, а также традиционные верования. Жизненно нужно еще общее понимание той *идеи*, которая задает общую цель и через нее определяет общий проект развития.

Признание реальности Русского мира предполагает целостное представление о целях, смыслах и ценностях его бытия, которые проецируются не только в прошлое, но и в будущее. Без таких целей, смыслов и ценностей, имманентно присущих великой идее, никакие локальные достижения, включая успешные военные операции, не смогут надолго сплотить представителей даже одного народа в единую социокультурную общность. Неслучайно русский философ В.С. Соловьев после победоносной для России войны с Турцией 1877-1878 гг. полемизировал с патриотами, предвкушавшими скорое освобождение Константинополя. «Но самое важное, – утверждал он, – было бы знать, с чем, во имя чего можем мы вступить в Константинополь? Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию?» [9; 226]. В случае с понятием «русский мир» никаких универсальных ценностей предложено не было. Не потому ли данный концепт вызвал настороженное отношение в союзных нам Белоруссии и Казахстане и к настоящему времени практически исчез из лексикона российского политического сообщества, обнажив «нищету» официальной идеологии?! Безусловно, современная Россия, оказавшаяся не по своей воле в очередном противостоянии с Западом, нуждается в осознании своей культурно-идеологической идентичности. Это необходимо как для сплочения российского общества в решении сложных внутренних проблем, так и для укрепления союзов с государствами, которых объединяет с Россией неприятие однополярного устройства мира. Но для этого нужна общая с ними идеология.

От политического руководства России, политологов и политических

публицистов часто можно слышать, что наша страна вынуждена защищать свои национальные интересы. С этим невозможно спорить, но защита национальных интересов может быть идеей, скорее, «для внутреннего пользования». Как справедливо отмечал российский философ В.М. Межуев, «одно дело защищать свой национальный интерес, другое – иметь идею, обращенную к мировому сообществу. ...Интерес – это то, что мы желаем для себя, идея – то, что полагаем важным, существенным для всех» [6; 5]. Национальная идея может проявлять себя в военно-политической доктрине, выступая, например, в виде обоснования сохранения национально-государственного единства или защиты дружественных стран и народов. Но «национальные интересы» являются лишь прагматической интерпретацией заложенных в ней интенций. Идеология страны, претендующей на роль одной из мировых держав, должна быть не чем иным как выражением цивилизационных интересов в форме общечеловеческих ценностей.

Такая идеология есть у США, пропагандирующая универсальный характер либерально-демократических ценностей. Безусловно, можно привести немало примеров того, как власти западных стран издают законы или совершают действия, вступающие в противоречие с этими ценностями даже в их собственных странах. Например, британские власти, никогда не упускающие случая обвинить Россию в нарушении прав человека, вынуждены были признать, что нормы их закона «О борьбе с терроризмом, преступностью и безопасности» от 14.12.2001 нарушают положения «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года. В таких экстраординарных случаях, как в борьбе с терроризмом, либеральные ценности и демократические свободы отходят на задний план, уступая место соображениям национальной безопасности, и вспоминается заявление Г. Дж. Пальмерстона: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг» [1; 182]. Но, признавая многочисленные нарушения идеологических принципов ради национальных интересов – правильно или ложно понятых, было бы неверно преуменьшать значение ценностей в политике.

Именно наличие или отсутствие общих ценностей, как показывает исторический опыт международного сотрудничества, часто определяет

долговечность экономических, политических или культурных объединений в современном мире. Так, отказывая современному российскому государству в праве называться демократическим, страны Запада не признают Россию своей союзницей даже в борьбе с таким мировым злом, как международный терроризм. Неслучайно на предложение российского президента создать общий фронт против международного терроризма, как в свое время Советский Союз создал с англо-саксонскими странами общий фронт против Гитлера, западные лидеры ответили, что и сейчас, и тогда их страны боролись вместе с Россией против общего врага, но во имя разных ценностей. Если правящая элита нашей страны желает конкурировать с Западом в идеологическом отношении, то она должна предложить миру альтернативное понимание базовых ценностей, которое имело бы не менее универсальный характер, чем понимание этих ценностей Западом.

Какую идеологию, какие ценности могут предложить российские власти в качестве обоснования проводимой ими политики? Нельзя не признать, что в постсоветский период российское государство достаточно противоречиво позиционировало свою идентичность. Оно то заявляло претензии на лидерство среди стран СНГ, то пыталось построить «энергетическую империю», то вспоминало о своем евразийском наследстве, то искало национальную идею, принимая за нее порой разные утопические проекты, наподобие победы на домашнем чемпионате мира по футболу. Это лишний раз убеждает в том, что миссия страны, т.е. государства и общества, не может быть сконструирована политтехнологами под конъюнктурные нужды преходящего момента международной или внутренней жизни. Так, в свое время противник Советской власти Борис Савенков, объясняя причины поражения «белого движения» и победу большевиков, писал: «Армии Колчака и Деникина не дали результатов потому, что "доблестные" генералы не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идею нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из книг и не возвращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу» [3; 18-19]. Идеология должна произрастать из истории и культуры общества, образа жизни и менталитета народа, во многих сменяющих друг друга поколениях, вобрать в

себя дыхание природной почвы и социальной судьбы.

Если современная Россия испытывает трудности в понимании тех ценностей, целей и смыслов, которые обеспечивают ее внутреннее единство, тем более неясно, какая идеология может укрепить ее союз с теми странами, которые не готовы принять систему ценностей, предлагаемую цивилизацией Запада. На какой идеологической основе возможен, например, потенциальный военно-политический союз России и Китая, или альянс России с мусульманскими или латиноамериканскими странами, не принимающими глобализацию по правилам, которые стремятся утвердить в мире США и их союзники? В XX веке СССР имел идеологию, которая долгое время практически на равных противостояла идеологии Запада, находя себе множество сторонников не только в странах «третьего мира», но даже в западном обществе. Объясняя успех этой идеологии, А.А. Зиновьев отмечал, что она «имела концепцию будущего идеального общественного устройства. ...Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и несчастья, обрушивавшиеся на нее. ... Тесно связанной с идеей будущего земного рая была идея внешнего эпохального врага» [5; 47]. Сегодня россиян объединяет, пожалуй, только идея внешнего врага.

Нельзя сказать, что современные российские власти не предпринимают попыток предложить новую идеологию, адекватную вызовам современности. Так, некоторые контуры желанного будущего мироустройства были обозначены в речи президента Российской Федерации В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, произнесенной 28 сентября 2015 года. В ней глава российского государства сказал, что «в противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли». В качестве ответа на «вызов планетарного масштаба» российский лидер заявил «о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой» [2]. Эти идеи помогают лучше понять, в чем руководство России видит миссию своей страны в глобальном мире в

настоящее время и в ближайшем будущем. Но, при всех критических нотах в отношении стран Запада и, прежде всего, США, что явственно прозвучали в выступлении российского президента, он явным образом не поставил под сомнение сами либеральные и демократические ценности, которые являются идеологическим обоснованием современной геополитики США и Евросоюза. То есть оправданием политики, о которой американский политолог С. Хантингтон писал, что «вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире» [11; 514].

Сегодня России необходима идеология, провозглашающая необходимость безопасного, справедливого и гармоничного миропорядка и представляющая миссию нашей страны как содействие созданию новой архитектуры международных отношений. Такая миссия, на мой взгляд, созвучна интенциям сознания российского народа, история которого показывает, что сильное государство для него необходимо, но оно должно иметь высшее оправдание – не в силе своего могущества, а в *правде* своего назначения. В этой связи можно привести замечание философа А.С. Панарина, что само по себе национальное государство с точки зрения русских не многое стоило, потому что «как только государство оказывалось отлученным от большой миротворительной идеи – православной, затем – коммунистической, его становилось некому защищать» [8; 444]. Не потому ли в 1917-м и в 1991-м гг. народ в массе своей безмолвствовал на похоронах своего государства, что уже не считал это государство своим?

Какие же ценности может предложить Россия тем народам, которые, как и она, не готовы принять систему ценностей, предлагаемую цивилизацией Запада, но, в отличие от нее, видят свою идентичность, например, в следовании конфуцианской этике или заповедям Корана? Философский анализ российской истории и культуры позволяет сделать вывод, что ряд идей проявляются в российской ментальности не автономно, а в тесной связи с другими идеями, сравнимыми с ней по степени общности. Такими идеями, на мой взгляд, являются идея *правды* как смысло-жизненной истины, идея *соборности* как братства людей и идея *спасения* от общей угрозы. Каждая из идей в этой триаде, получая

идеологическое обоснование от предыдущей, дает психологическое обоснование ей самой. Ибо главным признаком «всеобщей правды», по сути, является то, что она не может быть навязана силой, но должна быть принята по общему согласию и во взаимной любви, т.е. соборно. А «всеобщее братство», исключаящее всякое принуждение, становится возможным лишь тогда, когда возникает необходимость во «всеобщем спасении». В переводе с языка историософии на язык политики это означает, что миссия России в глобальном мире состоит в содействии такому мироустройству, которое станет более справедливым, солидарным и безопасным, чем современное. И выработка такой «мироспасательной» идеологии, которая бы преумножала «мягкую силу» России в мире, является не менее важной задачей, чем поддержание в боевой готовности ее «жесткой силы».

Литература:

1. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182-209.
2. Выступление В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> [Дата обращения - 10.12.2016].
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. 205 с.
4. Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. 512 с.
5. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф, 2001. 431 с.
6. Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 3 - 14.
7. Национальная военная стратегия США 2015. URL: <http://arsenal-otechestva.ru/article/619-usa-strategy-2015> [Дата обращения - 09.12.2016].
8. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
9. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219 - 246.

10. Филитов А.М Холодная война: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991. 200 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. Gaddis J.L. The Cold War. A New History. New York: The Penguin Press, 2005.
13. Quiggin J. John Locke Against Freedom. URL: <https://www.jacobinmag.com/2015/06/locke-treatise-slavery-private-property> [Дата обращения - 10.12.2016].
14. Westad O.A. The Cold War and the international history of the twentieth century // The Cambridge History of the Cold War. Ed by Westad O.A., Leffler M.P. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1.

Кочеров Сергей Николаевич, доктор философских наук, НИУ ВШЭ - Нижний Новгород, профессор департамента социальных наук